



^ Большой златоуст, Дом обороны и медиаэкран

Упрощенная схема истории отечественной архитектуры XX века при детальном рассмотрении биографий профессионалов первой половины XX века обнаруживает свою условность и несостоятельность. Традиции классицизма, которые сохраняли до середины 50-х годов старые мастера – выпускники Императорской Академии художеств и Института гражданских инженеров утрачены. Вместе с традициями утрачен и профессионализм. Разруха и хаос в городской среде – логическое следствие.
Ключевые слова: архитектура; утрата традиций; утрата профессионализма; хаос. /

If we look closer at the biographies of the professionals of the first half of the 20th century, we can see how conventional and inconsistent the simplified scheme of the history of the national architecture of the 20th century is. The traditions of classicism preserved until the middle of the 1950s by old experts, graduates of the Imperial Academy of Arts and the Institute of Civil Engineers, have been lost. Professionalism has been lost together with the traditions. The logical consequence is ruin and chaos in the city environment.

Keywords: architecture; lost traditions; lost professionalism; chaos.

Вид из окна старого дома / A View from the Window of an Old House

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

*Захватанные копотью и пылью,
Туманами, парами и дождем,
Громады стен с утра влекут к бессилью
Твердя глазам: мы ничего не ждем...*

Саша Чёрный. Вид из окна

Дому, в котором я живу, скоро исполнится 90 лет. Он построен в 1929 году по проекту Сигизмунда Владиславовича Домбровского (1883-1953), потомственного архитектора, волею судеб попавшего в 1927 году в Свердловск. Его отец Владислав Александрович Домбровский (1854–1917) имел два высших образования. Закончил сначала Рижский политехнический институт, где преподавали на немецком языке и по-немецки добротню, а затем Императорскую Академию художеств в Петербурге. Он построил немало костелов и доходных домов в Херсоне, Одессе и Москве. Сигизмунд тоже закончил Императорскую Академию художеств, в которой учился с 1904 по 1914 год: архитекторы до революции учились долго и основательно. Многие параллельно работали помощниками в мастерских известных зодчих. Выпускники Академии получали классическое архитектурное образование и строили добротные дома. Бунтари, как правило, Академию Художеств и Институт гражданских инженеров не заканчивали, иначе бы и архитектурного авангарда в 20-х годах XX века не случилось.

Владислав Домбровский строил костелы, как положено, в неоготике, доходные дома – в стилях, приличных месту и желанию заказчика. Его сына Сигизмунда считают конструктивистом. Впрочем, все, что строилось в 20-х годах XX века с использованием стилевых элементов конструктивизма, сегодня – конструктивизм. Моисей Гинзбург, полемизируя на страницах журнала «Современная архитектура», писал: «Мы утверждаем, что в эпоху строительства социализма (а конструктивизм не отвлеченная теория, а функция нашей эпохи), задача архитектора – прежде всего «изобретение» новых социальных конденсаторов жизни – новых типов архитектуры» [1]. Конструктивизм он понимал как проектирование новой жизни, в которой нет места ни истории, ни традиции: «... до основания, а затем...».

Большинство профессионалов с Гинзбургом и Весниными не спорили. Моден нынче корабельный стиль – будут у вас балконы с легкими трубчатыми ограждениями, плоские крыши и цилиндрические объемы. Хотите ленточные окна – пожалуйста. Работы меньше, детали не нужно прорабатывать. И что характерно: стиль до сих пор понимают, прежде всего, как набор узнаваемых деталей, то есть в старом добром определении Иоганна Винкельмана (конец XVIII века).

Ограждения балконов в проектах Сигизмунда Домбровского, конечно, были модные. А структура большинства его якобы конструктивистских домов – классическая: симметрия, трехчастные членения, пропорции в «золотом сечении», пилястры, антаблемнты (упрощенные, конечно). Так, как учили в Академии мастера.

Второй Дом Горсовета, н-образный в плане, был задуман как многофункциональный. Казалось бы, вот он, настоящий конструктивизм. Но многофункциональные жилые дома строились и до революции, например, дом страхового общества «Россия». Он тоже предназначался для элиты: были там и прачечная, и кинозал, и спортзал, и квартиры площадью до 400 кв. м. Впрочем, Второй дом Горсовета в Свердловске сравнивать с дореволюционным московским жилым комплексом не слишком корректно. Если только с точки зрения многофункциональности.

В доме, построенном Домбровским, были двух, трёх и четырёхкомнатные квартиры в корпусах, выходящих на ул. Пушкина и ул. Горького, коридорная система в корпусе, который находился во дворе. Библиотека, прачечная, баня, детские сады, солариум на крыше. Замечательный сценарий новой жизни. Работал ли этот сценарий когда-либо в полном объёме? Работал, ибо дом был элитным.

Получить в 1929 году отдельную квартиру в центре города рядовой гражданин и не мечтал. Норма жилой площади в конце 20-х годов была 4–5 кв. м. на человека, и только около 5% людей в Советском Союзе имели возможность получить отдельные квартиры. Жили во втором доме Горсовета директора крупных предприятий, партийные и советские начальники. В восьмом подъезде, в трехкомнатной квартире № 130 жил с женой и двумя детьми Михаил Гертман, директор завода «Вторчермет»



< Вид из окна на восстановленный храм Большой Златоуст и корпус Дома обороны



< Вид из окна во двор. Второй дом Горсовета. Арх С.В. Домбровский, 1929

v Екатеринбург. Здание Горсовета. Центральная часть со шпилем. арх. Г. Голубев, М. Рейшер

в середине 1930-х годов Получил квартиру в этом доме и сам Сигизмунд Домбровский, и его коллеги И. П. Антонов и В. Д. Соколов – ведущие свердловские архитекторы.

По дореволюционным меркам квартиры во Втором доме Горсовета были, конечно, бедноваты. Что такое трехкомнатная квартира на семью, без ванны и с печным отоплением? Но по советским меркам – это была роскошь, за которую приходилось платить очень дорого. На каменных ступенях в девятом подъезде есть выбоина. Старожилы рассказывают, что жена ответственного работника при аресте мужа в отчаянии запустила в работников НКВД горячей чугунной сковородкой с жареной картошкой. Как раз сковорода и выбила кусочек камня на ступенях. В ответ женщина получила пулю в живот.

Квартира освободилась, и ее занял другой ответственный товарищ.

В коридорном корпусе получали ордера на комнаты шоферы, машинистки, секретарши и прочие мелкие служащие Горсовета. Как всегда, «были равные и равнее». Архитекторы по мере сил и таланта старались выполнить задание заказчика как могли, как учили. А заказчиком в ту пору, в основном, было государство в лице Наркомтяжпрома, НКВД, Горсоветов... До поры до времени этот обезличенный заказчик был занят другими делами и присматривался к тому, что предлагали профессионалы. Многие архитекторы, получившие классическое архитектурное образование искренне верили, что победившему пролетариату должен нравиться авангард. Но мечта о дворцах и симметричных площадях с монументами у вождей пролетариата была неизбывна. К 1930-му году советской власти уже нужен был парадный фасад, и дать его могла только классическая архитектура. Демократический авангард на такие подвиги не годился.

Вид из окон Второго дома Горсовета во двор в начале 30-х годов XX века был замечательный. Фонтаны, скульптуры, клумбы... Двор был закрытый и охраняемый.

Окна корпуса, вытянутого по улице, Горького смотрели на реку Исеть и старые заводские цеха железодельного завода. Исторический завод в центре Свердловска уже не работал, но в его строениях вплоть до 60-х годов XX века располагались различные мастерские... Если выйти на маленький балкон, можно было увидеть и город-





^ Панорама Екатеринбурга из окон Второго Дома Горсовета 2



^ Памятник Первому строителю Екатеринбурга

v Екатеринбург. Исторический сквер. 60-70-е гг. XX века





^ Корпус здания Горно-металлургического техникума.
Арх. И.А.Грушенко, 1954



^ Второй Дом Горсовета, арх. С.В. Домбровский, 1929 г.

ской пруд. Шпиль барочного Богоявленского собора на Кафедральной площади (ныне Площадь 1905 года) еще год после постройки Второго дома Горсовета радовал глаз жителей дома. В январе 1930 года храм был закрыт, а летом того же года взорван «для получения строительного материала». С полукруглых балконов, которые в 30-е годы в голову никому не приходило стеклить, можно было наблюдать, как взрывали Богоявленский собор, а заодно с ним и постамент памятника царю-освободителю. Чугунный монумент Александру II свергли с постамента в 1917 году. За 13 лет на этом постаменте чего только не было: и статуя Свободы, чем-то напоминающая американскую, и голова Карла Маркса работы скульптора Степана Эрзья (символично донельзя: голова: Маркса на старом постаменте памятника царю-освободителю), и, наконец, «Ванька Голый» – шестиметровая мраморная фигура обнаженного мужчины, выполненная Эрзёй весьма реалистично. Горожане «Ваньку Голого» невзлюбили и не очень о нем сожалели. А ведь Эрзья мечтал, что эта фигура будет оценена столь же высоко, как Давид Микеланджело. Не повезло ученику Паоло Трубецкого. «Ваньку Голого» сняли с постамента в 1926 году, когда Степан Эрзья уехал из Советской России за границу. Фигура эпатировала горожан пять лет. Потом долго стояла, заключенная в ящик, во дворе Краеведческого музея. По преданию, потом ее утопили в городском пруду. Но когда чистили пруд, никаких следов «Ваньки Голого» не нашли: исчез бесследно.

Богоявленский собор, напоминающий трезиниевский Петропавловский собор в Петербурге, взорвали летом 30-го года. Молча грустили жители Свердловска и о разрушенных церквях Большой Златоуст (Максимилиановская церковь) и Малый Златоуст (Свято-Духовская церковь) Их тоже не стало в 1930-м году. Из окон Второго дома Горсовета купола и колокольни этих церквей видны были отлично. В 1948 году на Площади 1905 года поставили памятник Сталину на месте собора, а в 1957 году памятник Ленину работы скульптора В. И. Ингала. Из окон Второго дома Горсовета памятников, конечно, не было видно, а вот шпиль Горсовета украсил осиротевшую после разрушения храмов панораму в конце 40-х годов.



< Ванька голый (памятник Освобождённому труду), Степан Эрзья

Георгий Голубев (1883–1949) и Моисей Рейшер (1902–1980), авторы реконструкции конструктивистского здания Горсовета, тоже традиционно числятся авангардистами. Голубев окончил Институт гражданских инженеров в 1915 году, работал с 1908 года в мастерской В. А. Щуко, сотрудничал с И. В. Жолтовским. Не думаю, что поворот к классицизму в 30-х годах для него был трагедией. Андреа Палладио, так же, как и для Жолтовского, для Голубева – идеал. А как же конструктивизм? И для Домбровского, и для Голубева он был лишь преходящей модой, еще одним стилем. Возможно, несколько иначе воспринял поворот на 180 градусов в архитектуре М. В. Рейшер. Он окончил в Томске Технологический институт,



< Памятник Карлу Марксу, Площадь 1905 года, Степан Эрзья



где преподавали сторонники авангарда. Впрочем, работа с Голубевым и Домбровским была для Рейшера хорошей школой классики. Рейшеровские здания 30-х – 50-х годов очень выразительны.

Прошло 90 лет, а мысль о том, что авангард поддерживало большинство архитекторов в 20-х годах XX века, все еще живет. Живет и схема насильственной смены стилей в отечественной архитектуре XX века, которую нам вбивали в головы со студенческих времен. Вот эта схема: «пошлая эклектика» конца XIX века – революция, порыв, энтузиазм – победа авангарда – злой тиран – запрет авангарда – горе и нежелание большинства профессионалов отказываться от своих авангардистских убеждений – сталинский ампи́р как тупиковый путь архитектуры – новый тиран – горе и нежелание профессионалов отказываться от своих классицистических убеждений – модернизм как приобщение к магистральному пути развития мировой архитектуры – крах империи – постмодерн – хаос – хаос – хаос...

Итак, жители Второго дома Горсовета сначала видели из своих окон купола и колокольни великолепных барочных храмов, затем на месте Большого Златоуста в 1934 году по проекту архитектора Г. П. Валенкова построили «Дом обороны». Жителям Второго дома Горсовета стал виден жилой корпус этого комплекса. Затем стараниями Голубева и Рейшера выросла башня Горсовета со шпилем. Далее на противоположном берегу Исети построили жилой дом, который горожане окрестили «Дворянским гнездом». Затем из своих окон жители увидели Исторический сквер, запроектированный по всем канонам 60-х – 70-х годов. Старые заводские корпуса отреставрировали и разместили там музеи. Исеть одели в гранитные берега. Поставили памятник Первому строителю города, которого изображает бородатый мужик с длинной рубахе и подгибающимися коленями... Еще много есть странных и смешных вещей в Историческом сквере. Но Первый строитель – плоть от плоти коммунистической идеологии.

Вид из окон бывшего элитного дома в сторону реки после реконструкции стал гораздо привлекательнее. Тихая улочка Горького со старыми липами и тополями, классические ворота в Исторический сквер, арочные окна старых заводских корпусов. Казалось бы, жизнь налаживалась. Ан нет. Исторический сквер оставлять в покое в 2000-х годах никто не собирался. Запроектировали новые строения, по высоте превышающие старые заводские корпуса. Хорошо, что не построили так, как хотелось особо жадным инвесторам. Стройка была долгой и бездарной. Явился миру «Уральский центр развития дизайна». Строение, хорошим вкусом не отличающееся, но хотя бы невысокое. Его крыши и стены созерцают ныне жители Второго дома Горсовета без всякого удовольствия. Потом появилась на фоне Дворянского гнезда некая шприцеобразная башня. А потом началось... Рядом с «Домом Обороны» восстановили Большой Златоуст, построили многофункциональный торговый центр «Лимеранс»... Согласовывали, конечно 3-этажный дом, но стоит ныне 8-этажный... Появились в панораме медиаэкраны, на которых время от времени из своих окон жители обветшавшего Второго дома Горсовета видят то гигантские лица, то полуобнаженных великанш, то парящие над крышами машины... И во двор вид не лучше. Разруха и запустение. Ни статуй, ни фонтанов. Грубо обрезанные тополя, въезд в подземную стоянку, нищенские детские площадки и огромное количество машин. Исковерканные тополя и на улице Горького. А еще граффити... Эта городская парша повсюду. Как падальщики, граффитисты чувствуют смерть архитектуры и ставят свои метки на домах.

Судя по панораме, которую видно из моего окна, то, что построено до 1956 года – творения последних про-

фессионалов от архитектуры. Беречь бы эти постройки, да некому и не для кого. Не для кого, потому что архитектура перестала для большинства быть ценностью, а для власти она перестала быть парадным фасадом. Хаос.

Литература

1. Гинзбург М. Критика конструктивизма // Современная архитектура, 1928, № 1. – с. 2

References

Ginsburg, M. (1928). Kritika konstruktivizma [Criticism of constructivism]. *Sovremennaya arkhitektura*, 1, 2.

< Второй Дом Горсовета, коридорный корпус, арх С.В. Домбровский, 1929 г.

> Дворянское гнездо

v Дом обороны, арх. Г.П. Валенков, 1934 г.

